

Ю. ДОЛАНСКИЙ
ХЕРАСКОВ И ЛИНДА

Еще совсем недавно мы недостаточно хорошо представляли себе, какое значительное место в истории русско-чешских литературных взаимосвязей занимает Михаил Матвеевич Херасков. Чем глубже мы познаем чешскую литературу конца XVIII—начала XIX в., тем чаще встречаемся с его именем.¹ Не подлежит никакому сомнению, что «Эпические творения М. Хераскова», второе двухтомное издание которых было осуществлено в Москве в 1786 и 1787 гг., были известны в Чехии уже с 1796 г. В частности, подробное сравнение его крупнейших эпических поэм «Россияда» и «Владимир» с чешскими рукописями Краледворской и Зеленогорской (РКЗ) ясно показывает, какую большую помощь оказал Херасков авторам этих произведений эпохи романтизма, «открытых» в 1817 и 1818 гг.

В нашем анализе и сравнении РКЗ с произведениями Хераскова² мы уже и раньше обращали внимание на основное тематическое сходство поэмы «Владимир» с произведением Йозефа Линды, одного из авторов РКЗ, «Заря над языческим миром, или Вацлав и Болеслав». Однако было бы полезно более систематически сопоставить сочинение Линды с поэмой Хераскова. Литературоведение приложило уже много усилий к тому, чтобы всесторонне осветить историческое значение этого опыта Йозефа Линды по созданию новочешского исторического романа, изданного в 1818 г.³ Подтвердился факт тесной связи его «картины из отечественной истории» с европейским преромантизмом.

¹ См. об этом подробнее: Dolanský J. Ohlas dvou ruských básníků v Rukopisech královédvorském a zelenohorském. Praha, 1960, s. 11—14; Доланский Ю. Херасков и Гавличек. — В кн.: Роль и значение литературы XVIII века в истории русской культуры. XVIII век. Сб. 7. К 70-летию со дня рождения чл.-корр. АН СССР П. Н. Беркова. М.—Л., 1966, 213—219.

² См.: Dolanský J. Ohlas dvou ruských básníků..., s. 12—13.

³ См., в частности, вводную статью Яна Махала к книге: Linda J. Záře nad pohanstvem nebo Václav a Boleslav. Praha, 1924, V—XXII. Наиболее полный обзор литературы о Линде и его сочинений содержит книга: Jakubec J. Dějiny literatury české. II. Praha, 1934, s. 340—341. —

Молодой Линда, решив изобразить победу христианства над язычеством во времена князей Вацлава и Болеслава в первой половине X в., стремился в преромантическом духе восславить прежде всего давнее прошлое Чехии. При этом он черпал материал преимущественно из древней «Чешской хроники» Вацлава Гаека из Либочан. Отсюда он взял известное повествование о том, как ярый сторонник христианства князь Вацлав был убит своим братом-язычником Болеславом. Кроме того, хроника Гаека давала Линде возможность воспользоваться и множеством других тематических деталей.

Однако в общей трактовке трагедии двух братьев Линда решительно разошелся с хроникой Гаека. Линда воспринял ее идейно, как коллизию двух мировоззрений: христианства и язычества. В зависимости от этой идеи создавались как сюжет, так и характеры главных героев. В соответствии с идеалистической философией просветительского и преромантического гуманизма Линда признавал главенствующую роль международного христианства как высшего морального принципа зарождающегося раннефеодального общества. Но в то же время он не осуждал и положительных сторон язычества, в котором видел — опять-таки в соответствии с мировоззрением своей эпохи — проявление самых древних славянских обычаев в их чистом виде, включая любовь славянского народа к свободе и его ненависть ко всему «чуждому».

Известно, что во всех случаях здесь имеется в виду очень актуальная и модная в то время проблематика, вошедшая в чешскую литературу в начале XIX в. благодаря И. Юнгманну, переведшему на чешский язык повесть «Атала» из «Гения христианства» Ф. Р. Шатобриана. При создании многочисленных картин природы Линда опирался на творчество любимого им Оссиана, с песнями которого он познакомился также в русском переводе Ермила Кострова. Восстанавливая в духе идеализации славянскую мифологию, Линда, несомненно, пользовался и русской литературой, и прежде всего написанной на немецком языке работой молодого А. С. Кайсарова «*Versuch einer slavischen Mythologie*» (1804). Использование «Истории Государства Российского» Карамзина можно вопреки существовавшему раньше мнению⁴ исключить, так как «История» была напечатана в 1818 г., следовательно, одновременно с произведением Линды, законченным гораздо раньше.

Откуда же взялась идея изобразить исторический конфликт между Вацлавом и Болеславом не как борьбу двух сильных личностей, а как величественную битву двух общественных укладов

Новую оценку см.: Vodička F. Počátky krásné prózy novočeské. Praha, 1948, s. 155—258. — Сведения о Линде также см. в работе: Никольский С. В. Литература конца XVIII века—1848 года. — В кн.: Очерки истории чешской литературы XIX—XX веков. М., 1963, 39—40.

⁴ М. исследование: Hanuš J. Český Macpherson. — Listy filologické, 1900, R. 27, s. 241 и сл.

и их идеологий: старого первобытнообщинного строя и формирующегося раннего феодализма, т. е. как обобщенную картину борьбы язычества с христианством? Именно эта идея выдвигается на первый план в произведении Линды. Она обобщенно выражена уже в самом названии «Заря над языческим миром» (*Záře nad rohanstvem*), конкретизированном потом в подзаголовке именами двух братьев-князей («...или Вацлав и Болеслав»), представителей христианского «света» и языческой «тьмы».⁵

Ясный ответ на этот вопрос дает поэма Хераскова «Владимир», написанная русским классицистом в честь восьмисотлетней годовщины крещения Руси при князе Владимире. Но в отличие от летописных сведений Херасков превратил Владимира — в соответствии с просветительскими идеалами русских масонорозенкрейцеров времен Екатерины II — в человека, ищущего правду и свет в царстве тьмы. Поэтому мы находим в поэме много образов, заимствованных из масонской символики, где неустанно борются свет и тьма, правда и ложь. Главная идея поэмы содержится уже в ее первых строках: «Вдохни небесное мне, Муза! восхищенье, Владимирово петь святое просвещение, Которым древняя полночная страна, Как солнцем с высоты до днесь озарена; Владимир свой народ преобразил, прославил, Кумиров истребил и Богу храм поставил».⁶ Уже в этих стихах отражена основная тема произведения: «святое просвещение» полночной страны, озаренной «солнцем с высоты», истребление кумиров и постройка храма, что является одной из основных аллегорических целей всех масонских лож.

Для чешского писателя, стремящегося изобразить подобную картину из отечественной истории, поэма Хераскова «Владимир» была стимулирующим образцом. На своем пути к христианству легендарному князю Киевской Руси Владимиру приходилось сталкиваться с проблемами, подобными тем, которые возникали в Чехии во времена князей Вацлава и Болеслава. Родственный характер тем обусловил сходство ряда характеристик и некоторых частей сюжета. Владимир у Хераскова с ужасом вспоминает о том, как он убил своего брата Ярополка, — аналогичное братоубийство совершил и чешский князь. Отдельные части общей темы в обоих произведениях распределены по-разному в зависимости от конкретных условий и известных фактов истории Киевской Руси и Чехии. Однако Владимир в изображении Хераскова во многом напоминает чешского братоубийцу Болеслава, с трудом, через внутренние противоречия, преодолевая языческие традиции, про-

⁵ См. об этом: Vodička F. Počátky krásné prózy novočeské, s. 176, 244 и сл.

⁶ Эпические творения Михайла Хераскова. Ч. II. Изд. второе, исправленное, пересмотренное и дополненное. М., 1787, с. 1. — В этом издании неправильно пронумерованы страницы 137—145; цитируя стихи, напечатанные на этих страницах, мы приводим исправленную пагинацию (далее ссылки в тексте).

бывается он к новой христианской вере. Но уж раз обратившись к ней, он строит «храм богу», подобно тому как это сделал Вацлав у Линды.

Поэма Хераскова могла привлечь чешского писателя главным образом двумя основными идеями: патриотической идеей и движением на первый план идеологической борьбы между язычеством и христианством, борьбы, ведущейся обеими сторонами в целях лучшего будущего родины. В своей поэме Херасков не скрывает симпатий к глашатаям христианства и ненависти к сторонникам язычества, поддерживаемым вымышленными демоническими силами.

Ни одно произведение мировой литературы не было так близко «Заре над языческим миром», как «Владимир» Хераскова. Однако Линде для осуществления его поэтического замысла был совершенно не нужен сложный эпический сюжет поэмы Хераскова. Линда не сталкивал своих героев с персонифицированными представителями неба и ада, которых встречал Владимир на своем символическом пути к «небесной правде». Чешская повесть о Вацлаве и Болеславе просто не давала возможности для более обширного описания военных походов и битв, подобных битве Владимира с печенегами и битве при взятии Херсона. Почти вне поля зрения Линды находится любовная тематика, являющаяся у Хераскова одним из важнейших компонентов поэмы. Чешский автор, наоборот, большое внимание уделяет живописной сцене принесения жертв языческим богам. В духе принципа, сформулированного во введении, Линда не отвергал полностью, как Херасков, языческих обычаев. Он даже настолько идеализировал языческую мифологию, что первая часть его повести, где изображается празднество в честь бога Свантовита, наполнена радостным светом примитивного языческого мира. Название чешского произведения можно было бы по этой причине понимать и в другом смысле, как прославление язычества, излучавшего свой собственный свет.

Но несмотря на все различия, которые мы обнаруживаем при сравнении произведения Линды с «Владимиром» Хераскова, в них есть общие черты. К сожалению, в этой статье мы не можем сделать подробный анализ текста обоих произведений, который бы ясно доказал, что Линда не только знал поэму Хераскова, но и кое-что заимствовал из нее. Более многочисленные конкретные доказательства необходимо будет привести в другой статье.⁷ Пока обратим внимание лишь на несколько наиболее характерных мест, в которых видно влияние Хераскова на Линду.

Как мы уже говорили выше, чешского писателя с русским поэтом объединяет общность идейной концепции исторической повести. Херасков изобразил конфликт между христианством и

⁷ Автор намерен опубликовать ее в журнале славянской филологии «Slavia».

язычеством с помощью метафоры, распространенной в эпоху Просвещения, т. е. как борьбу света с тьмой. Символическое противопоставление света и тьмы мы находим в самых различных вариантах почти во всей поэме, за исключением, кажется, 11-й и 12-й песен. Здесь уже во введении не только «полночная страна... солнцем с высоты озарена». Владимир, «России просветитель», осветил «полночный край», который «дремал во тьме» (с. 2). Владимир «верою не озарен святою», «в нощи безбожия подобен быв луне, Как солнце наконец сиял в своей стране» (с. 3). «Густыя нощи тьмой казался окружен» (с. 9), и была «от солнца далека полночная страна», пока оставалась божьего «света лишена» (с. 10). И только потом «Божий глас светящ зарями зрится» и возвещает: «Россия просветится! ... Весь Киев озарит и всю Россию вскоре» (с. 12). Молодая Версона тоже была «рожденная во тьме языческа закона» (с. 29). Бог приказывал Владимиру: «Сияй ... в стране полночной свет! И север зрится весь сиянием одет». Владимир, таким образом, «уподобляется небесному светилу: Его объемлет тьма, он паки гонит тьму» (с. 40). И старец Кир приказывает Владимиру (с. 116): «Крещением, о Князь! Россию озари». И, наоборот, персонифицированное Сомнение «во тьму преобращает небесный чистый свет» и старается «да Истины святой при первом озареньи Ко Слову Божию вселить недоверенье» (с. 139). И в заключение (с. 244) Владимир прославляется в поэме за то, что «сияние простер по всей державе он»; «ты души просветил, неверства прогнал мрак, ... Ты будешь озарять Российскую страну, Доколе видит мир и солнце и луну; ... Доколе Истине внимают человеки!».

Бесконечное множество подобных символических мотивов света и тьмы демонстрирует и чешское произведение. Для примера достаточно привести несколько цитат: «Сияние! — воскликнул блаженный Вацлав, — сияние сошло с высот небесных и разогнало тьму; народ весь видит истинного Бога просвещенного и путь к нему! ... и это благословенное сияние, этот божественный ясный свет свыше озарил нашу страну, тонувшую до этого в темноте».⁸ И еще в другом месте Вацлав говорит: «С неба разлился свет правды — занялась заря в краях восточных, — и сюда, до западных земель, дошел этот свет, и его отблески осветили нашу страну» (с. 62). О «небесной правде» (с. 65) говорит Вацлав, убеждая Болеслава: «Брат мой! И тебя озарит свет правды» (с. 68). Если Болеслав думал о Вацлаве, что «дух его скитается в полночной темноте» (с. 68), то Вацлав в свою очередь уверял брата: «Бог... видит, что твой дух блуждает во тьме, и да озарит он тебя светом, ниспосланным свыше» (с. 70). Три раза подряд повторял Вацлав (с. 65), что каждый человек будет «озарен светом веры» (с. 65). Не забыл в «Заре» Линда и об аллегорическом

⁸ Linda J. Zaře nad pohanstvem..., s. 55 (далее ссылки в тексте).

мотиве слепцов, т. е. людей, к которым не проникнет свет истины. Болеслав припоминал, как говорили о них чужестранцы: «Слепцы вы! вы не знаете Бога, наш Бог настоящий!» (с. 140). То же самое твердил в поэме Хераскова Добрыня, отвечая римскому послу на его обещание, что папа «разум просветит неверия в ночи»: «Когда мы странствуем в сей жизни, как слепцы, За то ответствует не Царь наш, но жрецы» (с. 47—48).

Совершенно ясно, что все эти метафорические образы света и тьмы, дня и ночи, познания и слепоты, использованные для обозначения противоположных понятий христианства и язычества, одинаковы в «Заре над языческим миром» Линды и поэме Хераскова «Владимир». Причем чешский преромантик не отвергал так последовательно язычество, как это делал русский просветитель. В общей концепции своего «видения из отечественной истории» Линда скорее приближался к более миролюбивой точке зрения, выраженной чародеем Зломиром в поэме Хераскова, стремящимся убедить Владимира в одинаковой ценности различных религий для людей: «Язычество мы чтим предтечей Христианства; Сии предания суть вымыслы одни, Могуци услаждать людей разумных дни» (с. 233). Херасков не соглашался с такой веротерпимостью. Картины из языческой жизни он рисовал в самых черных красках, включая кровавые злодеяния, лицемерие и предательство, жестокие ужасы и страх. Линда, наоборот, исходил из философии Бернарда Больцано. И несомненно имея в виду отношение к различным религиям, Линда писал, что совершенно отрицать или безудержно восхвалять что-либо может только тот, кто полагается на свой разум и чувства, считая их непогрешимыми.

Линда воплотил свои представления о язычниках и христианах в живых образах, полных динамики и драматизма. И в этом он очень приближается к русскому поэту. Две части своей повести (I и III) Линда посвятил изображению празднества в честь языческого бога Свантовита. Действие пятой части разворачивается около статуи бога Перуна. Неоднократно упоминает Линда и о других языческих богах, главным образом о прекрасной богине весны и любви Ладе. Естественно, что при этом описания Линды во многом совпадают с фантазией Хераскова. Уже во «Владимире» Хераскова действие I, II и V песен происходит в храме бога Перуна. Во II песне речь идет о совете языческих богов. Песнь III рисует радостную картину праздника в честь «божества любви», «сластолюбной Лады». Девы приносят ей цветы, ими любитесь народ. Приходит сюда в сопровождении пышной свиты и Владимир со своими воинами, одетый в сияющие доспехи. Девы поют и пляшут вокруг идола под звуки кимвалов и лиры. Жрецы и жрицы приносят девицам венки. Не представляет никакого труда обнаружить тесную связь этой картины с подобной картиной в первой части чешского произведения, где описывается празднество в честь бога Свантовита. Однако и здесь

Линда расходится с Херасковым в описании драматической сцены между Версоной, ее женихом Законестом и Владимиром.

Но кроме картин языческих празднеств очень много общего мы находим у Хераскова и Линды в деталях, использованных ими при изображении язычества. Как и в поэме «Владимир», где злой бог Чернобог играет значительную роль, имя этого бога трижды упоминается и у Линды (с. 31, 89, 150). Здесь неоднократно говорится о могуществе богов, об их гневе и мести. Из родственных сюжетов вытекала необходимость изображения языческих святынь, мест жертвоприношений, алтарей, жертв (у Линды это всегда только животные и их кровь), священного огня и дыма, поднимающегося от жертвы, молитв жрецов и песен под аккомпанемент музыкальных инструментов. Еще более бросается в глаза сходство с поэмой Хераскова в сцене (с. 98—102), где Болеслав встречается со старым языческим жрецом у его пещеры и просит поведать ему волю богов, требующих смерти Вацлава. При создании этой сцены Линда мог опереться на подобные сцены во II, VI и IX песнях поэмы «Владимир» с приводящими в ужас описаниями лесных пещер и бездн.

Картины христианского «света» Линде не удалось изобразить так красочно и впечатляюще, как язычество. Линда сосредоточил свое внимание на характеристике набожного князя Вацлава, на его христианском рвении, мудрости правителя и благородстве. В образе Вацлава перед нами предстает с самого начала и до мученической смерти образцовый тип положительного героя без малейших намеков на внутренние противоречия и сомнения. Этим он резко отличается от Владимира в поэме Хераскова, блужданиям и сомнениям которого гораздо ближе у Линды Болеслав. С Владимиром Вацлав сближает скорее его храбрость в битвах с врагами. Но и здесь чешскому князю помогают небесные силы.

Большинство сцен, в которых участвует Вацлав, происходит на пражском Вышеграде. Именно это название могло быть одним из факторов, привлечших внимание чешского писателя к поэме о русском Владимире. Дело в том, что XI песня этой поэмы начинается стихами: «Уже Российских войск великая громада Как туча двинулась из твердых стен Вышграда» (с. 154). На чешского читателя, особенно в период национального возрождения в начале XIX в., такое подтверждение исторического родства наших народов, естественно, должно было оказать сильное влияние. Неудивительно, что Линда с радостью использовал мотив Вышеграда. Если уже Херасков с любовью описывал красоту пейзажа над Днепром, величие соборов и княжеского двора на киевском Вышгороде, то с не меньшим восторгом, поэтической фантазией и лирическим вдохновением изображал Линда древний Вышеград, его величественную архитектуру, панораму Влтавы и ее окрестностей.

Множество общих черт между «Зарей над языческим миром» и «Владимиром» можно отметить и в разработке темы народа, его

свободы и будущего. Все герои Хераскова во главе с Владимиром борются за счастье родины и в зависимости от этого определяют свое отношение к старым языческим богам и к новой христианской вере, которая должна «озарить Россию». Они вспоминают о давней славе предков и с недоверием относятся к идеям, приносимым «коварными» чужестранцами. Множеством цитат можно было бы легко показать, что в повести Линды мы имеем дело с подобным же идейным комплексом, еще усиленным славянским самосознанием. В этом смысле он припоминал, что слова Христовы пришли к нам «из краев восточных» (с. 48). А Болеслав подчеркивал: «С запада свет не приходит, запад поглощает свет, запад — край ночи и тьмы» (с. 62).

Эта тематика очень верно отражала чешский и славянский патриотизм молодого поколения чешских писателей, обращавших свои взоры к братской России. Отсюда такое количество реминисценций из поэмы Хераскова в «Заре» Линды. Отсюда и многочисленные русизмы в языке. Следовательно, вклад выдающегося русского классициста в чешскую литературу эпохи национального возрождения был значительным, ибо стимулировал не только создание рукописей Краледворской и Зеленогорской, но и попытку Йозефа Линды, одного из создателей РКЗ, написать первый новочешский исторический роман.